

УДК 821.161.1-31.09

Н.Н. Ступницькая

**«ТВАРЬ ЛИ Я ДРОЖАЩАЯ ИЛИ ПРАВО ИМЕЮ»
(ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА)**

Фраза, вынесенная нами в название, несомненно, относит нас к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Контекст ее употребления у Достоевского общеизвестен, однако, с нашей точки зрения, не единственно возможный. Мы позволим себе употребить эту фразу несколько в ином аспекте.

Среди исследователей, занимавшихся исследованием творчества А.И. Солженицына, особую роль играют Ж. Нива [7], А.В. Урманов [12], Л. Келер [4], Э. Коган [5], обращавшие внимание на специфику творчества писателя.

Цель данной статьи состоит в выявлении двойственной природы известного выражения, употребляемого нами не только в контексте, заявленным Достоевским, но и с точки зрения возможности человека самостоятельно принимать решения, касающиеся собственной жизни.

Достаточно показательной в этом отношении является сцена ареста Володина, описанная в романе «В круге первом». Героя доставили на Лубянку и обращались с ним не как с задержанным, а как с заключенным. Но на возмущение персонажа никто не обращал внимания, и ничего не отвечали. «Во всех здешних больше всего поражала Иннокентия способность молчать, когда нормальные люди отвечают» [9, с. 705]. Он ни от кого не мог получить объяснений. Противоестественность ситуации становится очевидной, если учесть, что люди разговаривают с собеседниками, которые им отвечают, такова человеческая действительность. С Володиным обращались как с вещью, производя необходимые действия, не объясняя, для чего это делается. Такая молчаливая методичность подавляла волю арестанта, заставляла его молча подчиняться тюремному режиму. «Уничтожающая идея первых часов тюрьмы состоит в том, чтобы отообщить новичка от других арестантов, чтоб никто не подбодрил его, чтоб

на него одного давило тупее, поддерживающее весь разветвленный многотысячный аппарат» [9, с. 718]. Все попытки разобраться наталкивались на стену молчания.

Подобное же поведение было свойственно и врачам в СССР, так Донцова, героиня повести «Раковый корпус», говорит Русанову: «Вообще мы не обязаны называть больным их болезнь» [10, с. 38]. Работа врача покрыта мраком таинственности, больному ничего не объясняют и всецело отдают во власть медикам, обращаясь с пациентом как с вещью. Костоглотов же говорит: «Человек – может распорядиться своей жизнью, нет?» [10, с. 56]. Без обиняков и недомолвок через Костоглота Солженицын выявляет общность двух миров: «Вы сразу исходите из неверного положения: раз больной к вам поступил, дальше за него думаете вы. Дальше за него думают ваши инструкции, ваши пятиминутки, программа, план и честь вашего лечебного учреждения. И опять я – песчинка, как в лагере, опять от меня ничего не зависит» [10, с. 56]. «Почему вообще вы берете себе право решать за другого человека? Ведь это – страшное право, оно редко ведет к добру. Бойтесь его! Оно не дано и врачу» [10, с. 58].

Полное обесценивание человеческой жизни, неприятие в расчет личных прав и свобод было характерной чертой советской власти с момента ее установления. Свидетельством этому служит произведение В. Зазубрина «Повесть о Ней и о Ней», в котором описывается процесс превращения человека в щепку в вихре революции [3]. Человек утрачивал право распоряжаться собственной судьбой, он превращался в бессловесное существо, за которого все заранее решено.

Немаловажной представляется связь с Достоевским ввиду того, что действительность тоталитаризма, изображенная в произведениях Солженицына, была предсказана и в наиболее существенных чертах предугадана автором «Бесов» и «Братьев Карамазовых». Как известно, Шигалев, идеолог социализма в «Бесах», предлагал: «в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при

безграничном повинении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать» [1, с. 373]. Тоталитарный режим характеризуется всеобъемлющим деспотическим вмешательством авторитарно-бюрократического государства во все сферы жизни общества и отдельных людей.

Посредством внутреннего монолога Донцовой Солженицын выявляет двойственность персонажа. С одной стороны, героиня думает и мучительно переживает о последствиях, возникающих в результате рентгенотерапии, но тут же «пришла разместить в списках, каким больным и на сколько сеансов она разрешает не ставить (это тоже укорачивало сеанс вдвое) миллиметрового медного фильтра, оберегающего кожу, а каким ставить фильтр полумиллиметровый» [10, с. 63]. Последствия от такого лечения могут быть еще более трагичными, но, стремясь увеличить пропускную способность аппарата и будучи убежденной в своем праве вершить судьбы людей, она принимает это решение, не считаясь с последствиями и не ставя в известность больных.

Солженицын считает, что драма человека XX века состоит в слабости и искажении его мирозерцания антропологическими идеями Ренессанса и Просвещения. Гуманистическому пониманию смысла жизни он противопоставляет религиозное понимание, осознающего существование Высших Сил, оказывающих влияние на судьбу человека. В Темплтоновской лекции Солженицын определил главное мировоззренческое и бытийное заблуждение современного человека: «человек пытается не выявить Божий замысел, но заменить собою Бога» [11, с. 453]. Подобная мысль достаточно четко сформулирована в книге Солженицына «Бодался теленок с дубом»: «я в своей жизни эту направляющую руку, этот очень светлый, не от меня зависящий, смысл привык с тюремных лет ощущать... Многие в жизни я делал противоположно моей же главной поставленной цели, не понимая верного пути, – и всегда меня поправляло Нечто. Это стало для меня так привычно, так надежно, что только и оставалось

задачи: правильной и быстрой понять каждое крупное событие моей жизни» [8, с. 126].

Данное замечание относится и к солженицынским персонажам, их часто направляет Нечто. Его миропонимание восходит к «предопределению судьбы», приведшему Раскольникову к совершению убийства. «Он вошел к себе, как приговоренный к смерти. Ни о чем он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что все вдруг решено окончательно» [2, с. 81]. Володин, персонаж романа «В круге первом», сам понимает, что у него нет выбора. «Опасно, не опасно другого решения быть не может» [9, с. 13]. С одной стороны, обоих персонажей ведет провидение, но, с другой – герои сами выбрали путь, приведший их, в конечном итоге, к тюремному заключению.

«В круге первом» можно соотнести с романом Достоевского «Преступление и наказание», однако повествование в солженицынском романе следует обратной логике: преступление Володина является подтверждением возросшей нравственности героя и направлено на спасение тысяч жизней, а наказание – стремление государства покарать героя за совершение поступка, направленного на спасение человечества от смертоносного оружия, и будет исходить от солженицынского «князя тьмы», обитающего в Кремле. Здесь вновь проявляется своеобразная двойственность. Володин, в силу занимаемой должности, должен был служить Злу. Солженицын полагает, что либо тело, либо душа будет ввергнуто в пучину Ада. Пока Иннокентий пользовался всеми доступными ему материальными благами, не задумываясь служил сталинскому режиму, его душа была отдана Злу. Как только Володин попытался очиститься и спасти свою душу, он попал в ситуацию, когда его тело испытает на себе муки, подобно грешникам дантовского Ада.

В повести «Раковый корпус, Костоготов, после разговора с Донцовой, думал, что «идет между двумя вечностями. С одной стороны – список обреченных умереть. С другой стороны в е ч н а я ссылка» [10, с. 60]. Текстовое выделение используется Солженцыным для

концентрации внимания читателя и создания эффекта обреченности и предопределенности судьбы. Такой прием используется писателем наряду с крупным планом, так например, «В круге первом» надпись на деле Володина «ХРАНИТЬ ВЕЧНО!» [9, с. 713], не только заставляет читателя обратить внимание, но и подчеркивает весомость фразы, несущей существенную смысловую нагрузку. Посягательство на вечность отделяет большевиков от русской религиозной традиции и от всего человеческого. Солженицын подчеркивает неизбежность вынесения Володину приговора. «В самом деле докажут или не докажут, что по телефону говорил именно он, – но, раз арестовав, его отсюда уже не выпустят» [9, с. 714].

В близости смерти, в ожидании своей участи А.И. Солженицын видел возможность постановки самых важных, последних вопросов человеческого существования. Прежде всего – о смысле жизни. Болезнь не считается с социальным статусом, ей безразличны идейные убеждения. Она страшна своей внезапностью и тем, что делает всех равными перед смертью. Солженицын написал повесть о людях, стоящих на пороге смерти, об их последних мыслях, действиях. Время действия ограничено несколькими неделями, место действия – стенами больницы.

Всех собрал этот страшный корпус – тринадцатый, раковый. Гонимых и гонителей, молчаливых и бодрых, работяг и стяжателей – всех собрал и обезличил, все они теперь только тяжелобольные, вырванные из привычной обстановки, отвергнутые и отвергнувшие все привычное и родное. Нет у них теперь ни дома другого, ни жизни другой. Они приходят сюда с болью, с сомнением – рак или нет, жить или умирать?

Мысли о вечности часто занимали Солженицына, так или иначе, затрагивавшиеся практически в каждом произведении писателя, находясь в онтологической связи с вопросом о том «чем люди живы?» [10, с. 76]. «Такой вопрос, кто ответит? – чем люди живы?» [10, с. 76] – спрашивает Ефрем Поддубев, а через него и сам автор. Люди разных социальных слоев дают схожие ответы, касающиеся исключительно внешних проявлений человеческой жизни: зарплатой,

довольствием, квалификацией и даже идейностью. Однако героя не удовлетворил ни один из этих ответов и смог ли он сам до конца понять и ответить самому себе на этот вопрос. Мысли Орещенкова представляются продолжением этой беседы и выражают, по нашему мнению, точку зрения самого писателя. «В такие минуты весь смысл существования – его самого за долгое прошлое и за короткое будущее, его покойной жены, и его молоденькой внучки, и всех вообще людей представляется ему не в их главной деятельности, которую они постоянно только и занимались, в ней полагали весь интерес и ею были известны людям. А в том, насколько удавалось им сохранить неомутненным, непродрогнувшим, неискаженным – изображение вечности, зароненное каждому» [10, с. 290]

Примечателен, с нашей точки зрения, диалог Донцовой и Орещенкова в повести «Раковый корпус»: «Симптомы я все вам сейчас назову, – но что я сама думаю? Вы знаете, я стараюсь не думать! То есть, я думаю об этом слишком много, стала ночами не спать, а легче бы всего мне самой не знать! Серьезно. Вы примете решение, нужно будет лечь – я лягу, а знать – не хочу. Если ложиться, то легче бы мне диагноза не знать, чтоб не соображать во время операции: а что они там сейчас могут делать? а что там сейчас вытягивают? Вы понимаете?» [10, с. 284]. Ответ доктора Орещенкова, с нашей точки зрения, совпадает с мыслями Солженицына: «Понимать, может быть, и понимаю, Людочка, но не разделяю» [10, с. 284]. Писателю больше импонирует позиция Костоглотова, который всячески стремится выяснить о своем заболевании как можно больше и осознанно подходить к лечению: «Я как тот сознательный боец, который должен понимать боевую задачу, иначе он не воюет» [10, с. 51].

Ю.М. Лотман отмечал, что «тяготение ко лжи в психологическом отношении связывается с определенным возрастом – переходом от детства к отрочеству, временем, когда развитие воображения совпадает с неудовлетворенностью реальностью. Становясь чертой не индивидуальной, а исторической психологии, лживость активизируется во взрослом человеке, группе, поколении черты инфантилизма. Индивид, которому свойственен инфантилизм, при нормальном или

даже ускоренном физическом и умственном развитии отличается незрелостью эмоционально-волевой сферы. Это выражается в несамостоятельности решений и действий, чувстве незащищенности, в пониженной критичности по отношению к себе, повышенной требовательности к заботе других о себе, в разнообразных компенсаторных реакциях (фантазирование, заменяющее реальные поступки, эгоцентризм и др.)» [6, с. 661].

«Поставленная спасти ж и з н ь, именно жизнь – в их клинике почти всегда шло о жизни, о меньшем не шло, – Людмила Афанасьевна непреклонно считала, что всякий ущерб оправдан, если спасется жизнь» [10, с. 64]. Донцова считает себя вправе решать судьбу других людей, не советуясь с ними и не предоставляя права выбора. В романе Ф.М. Достоевского Раскольников также присваивает право людям, так называемым необыкновенным, решать судьбу других людей и даже совершать преступления, не считаясь с мнением обычных людей, если это необходимо для воплощения их идей. Рассуждения персонажа не принимает Соня Мармеладова: «Да ведь я божьего промысла знать не могу... И к чему вы спрашиваете, чего нельзя спрашивать? К чему такие пустые вопросы? Как может случиться, чтоб это от моего решения зависело? И кто меня тут судьей поставил: кому жить, кому не жить?» [2, с. 351].

Переживания Донцовой обусловлены, в большей мере тем, что сама она заболела онкологическим заболеванием. За советом и успокоением идет она к старому доктору Орещенкову. Дормидонт Тихонович не вписывался в советский авральный режим работы. Родственность персонажа дореволюционной России подчеркивается наличием на двери медной дощечки «с каллиграфической косой гравировкой: “Доктор Д.Т. Орещенков”» [10, с. 281]. Спокойствием и размеренностью веет от Орещенкова, рассудительный и умный, он безошибочно и точно выявляет все перекосы современного ему советского способа организации медицины, при котором «больной и врач как враги» [10, с. 288]. Из советчика и помощника врач превратился в государственного служащего, озабоченного не облегчением состояния больного, а выполнением директив и планов. Орещенков говорит Донцовой: «Тем или иным

способом, Людочка, но врач должен зависеть от впечатления, производимого им на больных. От своей популярности» [10, с. 288]. Подобное заявление ставит пациента на позицию взаимного уважения, заставляющую считаться с мнением и желанием человека, превращающей его из бессловесного винтика системы в личность, имеющую право решать собственную судьбу.

Несмотря на вынужденную неполноту, все выше сказанное позволяет сделать вывод, что А.И. Солженицын не приемлет вседозволенности и инфантилизации и ратует за осознанное отношение человека к собственной жизни.

Поставленные Солженицыным вопросы не потеряли актуальности и в наше время, так как вопросы осознанного отношения к собственной жизни и морального самоограничения приобретают все большую и большую значимость с развитием научно-технического прогресса и расширением человеческих возможностей по переустройству социально-бытового окружения по собственному усмотрению.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Бесы: [роман] / Ф.М. Достоевский. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1991. – 653 с.
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: [роман] / Ф.М. Достоевский. – М.: Правда, 1988. – 464 с.– (Текст).
3. Заzubрин В.Я. Бледная правда: [сборник] / В.Я. Заzubрин: [сост. и авт. послесл. А.В. Горшенин]. – М.: Русская книга (Сов. Россия), 1992. – 446, [2] с.
4. Келер Л. Торжество духа (О романе А. Солженицына «В круге первом») / Л. Келер // Возрождение. – 1969. – № 206. – С. 71-86.
5. Коган Э. Соляной столп: Политическая психология А. Солженицына / Э. Коган. – Париж: Поиски, 1982. – 228 с.
6. Лотман Ю.М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993): История рус. прозы. Теория лит. / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство–СПб, 1997. – 845 с.
7. Нива Ж. Солженицын / Ж. Нива; [пер. с фр. Симона Маркиша в сотрудничестве с автором]. – М.: Худож. лит., 1992. – 189, [2] с.

8. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни / А.И. Солженицын. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М.: Согласие, 1996. – 687, [1] с.
9. Солженицын А.И. В круге первом: [роман] / А.И. Солженицын. – М.: Художественная литература, 1990. – 765, [1] с. – (Текст).
10. Солженицын А.И. Не стоит село без праведника: Повести и рассказы / А.И. Солженицын. – М.: Изд-во «Кн. палата», 1990. – 574 с. – (Текст).
11. Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. / А.И. Солженицын. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. издательство, 1995. – Т. 1: Статьи и речи. – 1995. – 720 с.
12. Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына: Учебное пособие для студентов и преподавателей филологов / А.В. Урманов. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 380 с.

Анотація

Н.М. Ступницька. «Твар я тремтяча чи право маю» (за творами О.І. Солженіцина)

В статті представлено відношення письменника до тенденції інфантилізації та необізнаності людей про власну долю, яка мала місце у Радянському Союзі. О.І. Солженіцин відзначає, що у радянському суспільстві в усіх сферах життя над людьми виконувалися необхідні дії, без пояснення, для чого це робиться і які наслідки вони матимуть для певної людини, що продемонстровано на матеріалі проаналізованих нами роману О.І. Солженіцина «В колі першому» і повісті «Раковий корпус». Письменник стверджує, що багато людей приймали це, цілком віддаючи себе під владу системи, не бажаючи и боячись самостійних рішень. Письменник ратує за те, щоб взаємовідносини у соціумі будувалися на основі взаємної поваги, що обумовило б можливість рахуватися із думкою і бажанням людини, перетворюючи її з безмовного гвинтика системи у особистість, яка має право вирішувати власну долю.

Ми доходимо висновку, що О.І. Солженіцин не приймає уседозволеності та інфантилізації і ратує за свідоме ставлення людини до власного життя.

Ключові слова: письменник, тенденція, інфантилізація, роман, повість, повага, уседозволеність, свідоме ставлення.

Аннотация

Н.Н. Ступницкая. «Тварь ли я дрожащая или право имею» (по произведениям А.И. Солженицына)

В статье представлено отношение писателя к тенденции инфантилизации и неосведомленности людей о собственной судьбе, сложившейся в Советском Союзе. А.И. Солженицын отмечает, что в советском обществе во всех сферах жизни над людьми производились необходимые действия, не объясняя, для чего это делается и какие последствия они будут иметь для конкретного человека, что продемонстрировано на материале проанализированных нами романа А.И. Солженицына «В круге первом» и повести «Раковый корпус». Писатель утверждает, что многие люди принимали это, отдавая себя во власть системы, не желая и страшась самостоятельных решений. Писатель ратует за то, чтобы взаимоотношения в социуме строились на основе взаимного уважения, что обусловило бы возможность считаться с мнением и желанием человека, превращающей его из бессловесного винтика системы в личность, имеющую право решать собственную судьбу.

Мы приходим к выводу, что А.И. Солженицын не приемлет вседозволенности и инфантилизации и ратует за осознанное отношение человека к собственной жизни.

Ключевые слова: писатель, тенденция, инфантилизация, роман, повесть, уважение, вседозволенность, осознанное отношение.

Summary

N.N. Stupnitskaya. “I am a trembling creature or I have rights” (by Solzhenitsyn’s works)

The writer’s attitude to the trend of infantilization and uninformed people about their own fate which is formed in the Soviet Union is presented in the article. Solzhenitsyn says that in the Soviet society in all shears of life the necessary steps were made at people without explaining what it is and what impact they will have for the individual, as demonstrated on the material examined novel Solzhenitsyn «The First Circle» and the novel «Cancer Ward» which are examined by us. The writer insists on that many people take it, giving themselves to the power of system. They are afraid of their own decisions and they don’t want to make decisions themselves. Writer insists on that relationship in a society are built on the basis of mutual respect, which led to the opportunity to consider the opinions and desires of people, transforming it from a dumb screw of the system to the person having the right to decide their own destiny.

We come to a conclusion that A. I. Solzhenitsyn doesn't accept permissiveness and infantilization and stands up for the conscious relation of the person to own life.

Key words: writer, trend, infantilization, novel, story, respect, permissiveness, conscious relation.

Інформація про автора

Ступницька Наталія Миколаївна – ORCID: 0000-0002-7560-0049; кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської мови Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна; майдан Свободи, 4, м. Харків, 61022, Україна